

говорит Л. П. Потапов, — как военно-демократический». Соглашаясь с общей характеристикой, данной автором, необходимо, однако, заметить, что она правильна только для конечного результата развития, для состояния алтайского общества в III—I вв. Более древнее время в известной мере отличалось от этого конечного этапа. Кроме того, едва ли правильно применение термина «военно-демократический строй» к характеристике всего общественного состояния. Ведь этот термин определяет лишь состояние политической надстройки. Он не выражает основных процессов изменения базиса общества на стадии разложения первобытно-общинного строя.

Третий раздел первой части повествует об истории Алтая в составе племенных государств Центральной Азии и прежде всего касается проблемы алтайских тюрков. Этот ярко написанный очерк страдает, однако, одним досадным недостатком. Л. П. Потапов, так же как и я в первом издании своей «Древней истории Южной Сибири», позаимствовал у А. Н. Бернштама и С. П. Толстова основанную на толковании соответствующего места из Махмуда Кашгарского в духе так называемого «нового учения о языке» «теорию» о значении термина «тюрк», который якобы первоначально имел «специфический классовый оттенок» (стр. 95). Отсюда проистекает неясность у Л. П. Потапова этнического определения населения Алтая в VI—VIII вв.; оно тюркоязычно, «однако называть тюрками население Алтая для этого времени можно лишь в условном смысле» (стр. 95). Эта теория неблагоприятно отразилась и на выяснении вопроса о причинах возникновения государства у алтайских тюрков. Внутренние причины, и среди них прежде всего развитие у алтайцев железодельных промыслов, остались в книге не проанализированными, хотя автор и приводит исторические свидетельства об этом (стр. 99).

Дальнейшие страницы первой части посвящены обстоятельному описанию истории Алтая в эпоху орхонского каганата, уйгурского ханства, каганата енисейских кыргызов, при киданях и найманах и «в составе империи Чингисхана».

Написанная на основании исследований ряда советских специалистов, первая часть книги является, несмотря на некоторые погрешности, надежным фундаментом второй части книги, излагающей историю алтайцев от их включения в состав русского государства и до современного развития их социалистической культуры.

Эта вторая часть целиком построена на материалах, собранных автором по архивам и во время многолетних этнографических экспедиций на Алтае. Особо подробно она освещает историю алтайцев в XIX и первой половине XX в.

Всесторонне анализируя производство у алтайцев XIX в., их родовой быт и общественный строй, Л. П. Потапов совершенно обоснованно приходит к выводу, «что общество у алтайцев было классовым» (стр. 331). «Однако,—пишет далее автор,—феодалные отношения у южных алтайцев выступали в весьма своеобразной форме. Свообразие это заключалось в том, что феодальные отношения переплетались здесь с патриархальными родовыми отношениями и их пережитками» (стр. 332). Отмечая феодальных отношений у алтайцев можно говорить только весьма условно, только в сравнении с феодальными отношениями у народов более культурных, где основой хозяйства является земледелие, где барщина и оброк выступают в чистом и ярком виде. Исходя же из реальных условий общественно-экономической жизни у южных алтайцев, следует говорить не о недоразвитости феодальных отношений, а об их своеобразии» (стр. 333). Я считаю, что это положение Потапова является весьма плодотворным и ставит наши оценки, опирающиеся на сравнения, на правильную методологическую основу.

Очень яркие страницы, которые Л. П. Потапов посвящает колониальной политике царизма и развитию элементов капитализма. Векрывая все самые темные стороны жизни алтайцев в условиях колониального парского гнета и развивающейся капиталистической эксплуатации, Л. П. Потапов вместе с тем подчеркивает, что, несмотря на эти отрицательные стороны, сближение алтайского народа с великим русским народом и прежде всего нахождение алтайцев в составе России имело для них прогрессивное значение. Нельзя не согласиться со следующим итогом, которым автор заключает свое изуче-

ние истории алтайцев в дооктябрьский период: «Таким образом можно утверждать, что не насильственная русификация алтайцев, а свободное общение их с русским народом принесло им значительные успехи в культурном развитии. В отличие от царских колонизаторов: чиновников, торговцев, миссионеров и кулаков, русский народ сыграл глубоко прогрессивную роль в деле развития и повышения культуры алтайцев в рассматриваемый период. Но это положительное влияние русского народа и естественное экономическое и культурное общение его с алтайцами тормозилось колониальной политикой царизма» (стр. 442).

Все изложение дооктябрьского периода в истории алтайцев построено на глубоком и методологически правильном анализе огромного материала. Это определило и вполне оригинальные выводы автора. В этой связи я остановлюсь лишь на одном примере, на вопросе о так называемой «белой вере», или бурханизме — движении, возникшем у алтайцев в начале 900-х годов. По поводу этого движения существует большая литература. Большинство писавших за последнее время трактовали бурханизм как национально-освободительное движение алтайцев-скотоводов.

Л. П. Потапов, на основании всестороннего изучения бурханнестских гимнов и молитв, пришел к неоспоримому выводу, что бурханизм «необходимо признать реакционным, националистическим движением, так как он ориентировался на отрыв Алтая от России, на переход алтайцев под протекторат Японии. Такое положение было выгодно только байской верхушке, стремившейся к монополюльной эксплуатации соплеменников, к монополюльному положению на Алтае» (стр. 412). Я считаю, что главы о бурханизме являются крупнейшей заслугой Л. П. Потапова, большим научным и историко-политическим открытием.

Ярко и оригинально написан и последний раздел книги Л. П. Потапова: «Алтайцы в Советскую эпоху». Первая глава этого раздела рассказывает об алтайцах в период от февраля 1917 г. и до образования Ойротской автономной области 1 июня 1922 г. Здесь особенно важны страницы, разоблачающие антинародную сущность каракорумцев — кучки националистов, продававших интересы трудящихся Алтая в период борьбы Советской России с колчаковщиной, а также разделы, показывающие предательскую политику националистов в период строительства алтайской советской автономии. Здесь ярко показана борьба с националистами, которую вели коммунисты при поддержке широких масс трудящихся.

Заключительная глава книги «Социалистическая культура и быт алтайцев», несколько более краткая, чем предшествующие, также построена на историческом анализе обширного материала о современной жизни алтайцев. Она вполне обосновывает вывод автора о том, что «осуществление советской национальной политики среди алтайцев дало блестящие результаты. В этом проявилась исключительная жизнеспособность и плодотворность советского государственного строя в применении даже к таким племенам и народам, которые еще недавно находились на ранних ступенях общественного развития» (стр. 504).

В заключение нужно подчеркнуть, что книга Л. П. Потапова является очень крупным достижением в области изучения истории народов СССР и во многом может служить образцом для новых исследований на аналогичные темы.

Проф. С. В. Киселев

«СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ», т. XI, 1949, 395 стр.; т. XII, 1950, 336 стр.; т. XIII, 1950, 350 стр.; т. XIV, 1950, 305 стр.

Сборники «Советская археология» заслуженно завоевали внимание читателей фундаментальными публикациями археологических материалов, тщательностью издания, широтой охваченных вопросов. Большинство статей, помещенных в сборниках, наглядно демонстрирует преимущества советской археологии, являющейся неотделимой частью марксистско-ленинской исторической науки. В статьях, даже касающихся частных вопросов, авторы дают историческую интерпретацию археологических

источников. Все меньше становится статей, авторы которых ставят перед собой узко-археологические задачи, отказываются от попыток вскрыть общественно-историческое содержание археологических фактов.

Отрадным является также заметное овладение методикой историко-археологического исследования: солидность и тщательность аргументации научных выводов, применение оригинальных методов исследования и дальнейшая разработка старых методических приемов. Было время, когда развитию археологии значительный ущерб был причинен Марром и его учениками, которые, критикуя буржуазные учения с неправильных, немарксистских позиций, стали на ликвидаторский путь и, наряду с огульным отрицанием сравнительно-исторического метода, пытались опорочить многие методы археологического исследования (например, типологический) как буржуазные. Это породило пренебрежение к источниковедческим вопросам, привело к попыткам строить исследование на основе предвзятых социологических схем. Преодоление этих недостатков началось давно, с момента появления исторических замечаний И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на конспекты учебников по истории. Но эта работа требовала длительного срока, и последние тома «Советской археологии» отражают значительные успехи на пути преодоления этих недостатков. Обилие и значительное научное значение материалов, опубликованных в рецензируемых томах «Советской археологии», делают их издание большим вкладом в нашу науку. И все же, несмотря на несомненные достоинства этого издания, его нельзя признать вполне удовлетворительным.

Сборники «Советская археология» призваны отражать основные достижения нашей науки. К этому обязывает и профиль издания и само наименование. ИИМК АН СССР имеет еще два серийных издания: «Материалы и исследования по археологии СССР», в которых печатаются отчеты и большие по объему научные труды, и «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях», которые должны отражать текущую научную жизнь института и сообщать читателю о результатах новейших работ и открытий в виде предварительных кратких статей. «Советская археология» является основным изданием, призванным печатать руководящие и обобщающие статьи. Эти задачи не выполняются. Редакция печатает сборники в большинстве удачных, но случайных статей. Перед нами комплект сборников, вышедших за два года, но если бы мы вздумали по ним судить об основных достижениях советской археологии за эти годы, у нас создалось бы совершенно превратное представление. В эти годы советские археологи решительно выступали против проявлений в археологической работе вредного влияния буржуазной идеологии космополитизма, против аполитичности и безидейного объективизма. Эти вопросы широко обсуждались; были вскрыты существенные ошибки и намечены пути их преодоления. Это не нашло никакого отражения в сборниках.

1950 год явился в нашей науке годом величайшего перелома, вызванного гениальными трудами И. В. Сталина по вопросам языкознания. До появления этих статей советская археология испытывала на себе вредное влияние теорий Н. Я. Марра. Археологи не сумели рассмотреть псевдомарксистской, вульгаризаторской сущности этих теорий. Только разоблачение товарищем Сталиным Н. Я. Марра как упростиеля и вульгаризатора марксизма-ленинизма помогло археологам понять свои «марристские» ошибки и заблуждения. Труды товарища Сталина открывают огромные перспективы развития всех общественных наук, в частности и археологии. Но это величайшее событие в науке не нашло никакого отражения в «Советской археологии». Между тем ее XIV том подписан в печать 30 ноября, т. е. через пять месяцев после выхода в свет трудов товарища Сталина по вопросам языкознания. Это срок вполне достаточный, чтобы откликнуться хотя бы редакционной статьей на это важнейшее событие.

Вообще в рецензируемых сборниках нет ни передовых статей, ни обобщающих теоретических статей. Археологи много занимались вопросами теории этногенеза, вопросами методики научной работы. Мы не найдем в СА отражения этой стороны работы археологов. Здесь публикуются статьи и отчеты об отдельных экспедициях, но, к сожалению, большинство важнейших экспедиций никак не показано на страницах

сборников. Советская археологическая наука борется против буржуазной науки и враждебных марксизму-ленинизму влияний буржуазной науки. Эта линия советской науки также не нашла себе отражения в СА. Таким образом, перед нами вместо боевого, целенаправленного органа советских ученых — сборники интересных, нужных статей, но помещенных случайно, по мере поступления их в редакцию, без определенного плана, без показа основных достижений советской археологии.

Лучшим из рецензируемых сборников является XI том, в котором помещено несколько статей, обобщающих итоги многолетних археологических исследований. В этих статьях на огромном материале решаются или ставятся важнейшие историко-археологические проблемы, касающиеся различных эпох и разных частей территории нашей Родины. Таковы статьи А. Н. Бернштама, Б. Б. Пиотровского, В. И. Равдоникаса, М. К. Каргера, И. И. Ляпушкина и др. В этом томе очень мало статей, посвященных второстепенным, малозначительным темам. Отсутствие теоретических статей в какой-то мере окупуется глубиной постановки вопроса в лучших статьях сборника.

Статья А. Н. Бернштама «Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-шаня» (стр. 337—385) подводит итоги работ 1933—1946 гг. Экспедиции, проведенные под руководством автора, охватили значительное пространство. В статье дана классификация археологических комплексов, историко-культурная характеристика этапов развития Семиречья и Тянь-шаня и поставлены проблемы энтогенеза. Культурно-историческая схема А. Н. Бернштама очень важна для создания общей археологии Средней Азии.

Таким же обобщением результатов многолетних исследований, хотя и по более узкому кругу памятников, является статья Б. Б. Пиотровского «Поселения медного века в Армении» (стр. 171—185). Автор характеризует культуру медного века Закавказья конца III и первой половины II тысячелетия до н. э.; открытую всего около пятнадцати лет назад и исследованную на поселениях Элар, Шенгавит, Шрепблур, Кюль-тапа. Эта культура определяет собой важнейший этап истории первобытного общества, закономерно развивающийся из скотоводческо-земледельческой культуры позднего неолита и лежащий в основе культуры эпохи бронзы. Памятники медного века Закавказья обнаруживают сходство с памятниками медного века Передней Азии, но при наличии сходства показательно их явное своеобразие, свидетельствующее об их самостоятельном развитии.

М. К. Каргер в статье «Киев и монгольское завоевание» (стр. 55—103) рассматривает важный вопрос о роли монгольского завоевания для последующих исторических судеб Среднего Поднепровья. Острая политическая направленность статьи, ее интересное содержание позволяют считать статью М. К. Каргера одной из наиболее интересных в рецензируемых сборниках.

В XI (стр. 5—55) и XII (стр. 7—41) томах напечатана статья В. И. Равдоникаса «Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.)», а в XIV томе — статьи Г. П. Гроздилова «Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г.» (стр. 139—170), Ф. Д. Гуревич «Древнейшие бусы Старой Ладоги» (стр. 170—187) и Я. В. Станкевич «Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги» (стр. 187—217). Все эти статьи освещают результаты работ одной из интереснейших и наиболее важных археологических экспедиций, изучавшей один из самых северных древнейших русских городов. Важность старолadoжской темы заключается в том, что здесь есть возможность на материалах одного памятника поставить ряд важнейших проблем; здесь и проблема происхождения города, и вопрос об этническом составе населения северо-западной Руси, и так называемая «норманнская проблема» скрещиваются в одном объекте. Хорошая сохранность археологических материалов и, в особенности, дерева, ненарушенность (на большинстве участков) археологических слоев, четкая стратиграфия дают возможность получить здесь ответы на ряд важнейших историко-археологических вопросов. Поэтому появление статей, подводящих некоторые итоги исследований Старой Ладоги, представляет собой большой научный интерес.

Статья В. И. Равдоникаса носит несколько иной характер, чем вышеизложенные статьи Бернштама, Каргера и Пиотровского. Хотя В. И. Равдоникас и подводит итоги

многочисленных исследований, все же он не стремится дать полное обобщение материала, и среди множества отчетных данных содержатся лишь некоторые обобщения. Перед нами нечто среднее между археологическим отчетом и итоговым исследованием. Таких статей большинство в СА. Имеют ли право на публикацию статьи подобного научного жанра? Безусловно имеют. Часто такая статья гораздо полезнее для читателя, чем отвлеченные рассуждения исследователя на ту же тему. Но когда речь идет о Старой Ладоге и подобных ей объектах огромного научного интереса, нужно пожелать более подробной и полной публикации отчета в МИА; а при наличии такой публикации статья В. И. Равдоникаса могла бы носить более обобщенный характер. Впрочем, это замечание относится главным образом к вопросу о профиле сборников СА и к вопросу о возможности избежать повторного печатания одних и тех же материалов в СА и в МИА, а не к статьям В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова.

В. И. Равдоникас характеризует стратиграфию земляного городища и описывает типы деревянных построек X в. Очень важным результатом исследований является установление господствующего типа древнерусской северной деревянной избы X в. Привлечение этнографических параллелей дает основы для реконструкции. Изучение вещевого материала и всего комплекса построек дало возможность охарактеризовать хозяйство Ладоги X в. Автор приходит к заключению, что X век был временем становления города, а также решающим этапом образования феодального способа производства в Северной Руси. Однако, придя к этому выводу, В. И. Равдоникас во второй части своей статьи неожиданно утверждает, что Старая Ладога — замечательное славянское поселение, превращающееся в город в VII — IX вв. (т. XII, стр. 38). Данному утверждению противоречит описание большого дома из того же слоя VII — IX вв. Это было жилище патриархально-семейного типа, периода разложения родового строя, но все же более близкого к предшествующему родовому обществу, чем к последующему феодальному. Никаких элементов, характеризующих город, в это время еще не существует; нет выделившегося ремесла, нет в археологических данных доказательств существования феодализма. Прекрасно понимая, что родовой поселок не может быть назван городом, и признавая, что важнейшим признаком города является наличие выделившегося из домашней промышленности ремесла, В. И. Равдоникас обосновывает свое утверждение о превращении Старой Ладоги в VII — IX вв. в город находками здесь железных изделий и одной литейной формы. Отсюда делается вывод о наличии ремесленной металлургии уже в VII в. и о выделении металлургии в это же время из домашней промышленности. Однако начало металлургии относится на Севере к гораздо более раннему времени. Сам факт наличия металлургии вовсе не свидетельствует о ее ремесленном характере. Никто ведь никогда не говорит о дьяковских городках. Поэтому правильнее было бы не говорить о превращении Старой Ладоги в город в VII—IX вв., не имея для этого никаких археологических данных.

Неправильно также утверждение, что X век — это время становления города. Исторические данные свидетельствуют о том, что именно IX век был переломным в социальных отношениях на севере Руси, был временем возникновения государства. С этим временем, вероятно, совпадает превращение родовых поселков в города. Мы не можем требовать от исследователя, чтобы он выделил слой IX в. Это зависит чаще всего от характера наслоений, а не от желания ученого. Но пока не явились такие возможности, следует воздержаться от попытки датировать время возникновения города или по крайней мере нужно попытаться согласовать археологические данные с данными летописей. Независимо от этого вопроса, который, очевидно, должен решаться все же не на материалах одного города, а целой группы городов, достижения староладожской экспедиции весьма значительны. Уже открытие большого дома, находка железного сошника VII в. и др. представляют большой научный интерес. Публикации В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова очень тщательны. Несомненным достоинством является подробная характеристика стратиграфии и убедительная датировка слоев.

В статьях Ф. Д. Гуревич и Я. В. Станкевич охарактеризованы отдельные группы находок из Старой Ладоги. Большой сравнительный материал, привлеченный авторами

статей, позволил им уточнить датировки и выяснить приемы изготовления бус и керамики.

В XI томе СА опубликована большая статья С. Н. Бибикова «Поселение Лука-Врублевская и его значение для истории раннеземледельческих племен юга СССР» (стр. 127—151). В статье изложены результаты раскопок 1946 г. Лука-Врублевская — очень интересное раннеземледельческое поселение, материалы которого, по мнению автора, дают возможность решить вопрос о генезисе трипольской культуры. Однако С. Н. Бибиков почему-то, вопреки явным данным, свидетельствующим о том, что Лука-Врублевская относится к трипольской культуре, объявляет поселение дотрипольским. Впрочем, в последующем автор, очевидно, сам отказался от определения Луки-Врублевской как дотрипольского поселения, так как в статье, опубликованной в XXXV вып. КСИИМК, это поселение названо раннетрипольским. Статья содержит некоторые дискуссионные теоретические положения; они были бы крайне важными, если бы их удалось доказать. Среди них, например, утверждение, что «в свете приведенных данных рисуется скорее патриархально-родовой уклад дотрипольского и трипольского общества, чем матриархально-родовой» (стр. 148). Это утверждение противоречит не только нашим обычным представлениям о трипольской культуре, но и положению, высказанному автором в той же статье страницей раньше: «Мы допускаем, что в дотрипольскую эпоху и в собственно трипольскую матриархальный уклад родовых общин в его обычных проявлениях уже значительно ослабел» (стр. 147). Таким образом, даже если признать его ослабевшим, то все же существовал матриархальный уклад, а не патриархальный. Каковы же «приведенные данные» в пользу признания трипольского общества патриархально-родовым? Главным из них является предположение о лесном характере трипольского земледелия, которое требует большой затраты мускульной энергии и потому могло быть делом мужчин. Отсюда следует вывод о сужении общественной роли женщины и признании всех элементов материнского культа, столь ярких в Триполье, «живым пережитком матриархата». Научная гипотеза С. Н. Бибикова очень интересна. Признание патриархальным не только поздне трипольского общества с его развитым скотоводством, но и земледельческого трипольского и даже «дотрипольского» общества рисовало бы по-новому картину социальных отношений для одной из важных эпох в истории. Приходится сожалеть, что автор для доказательства не привел всей суммы имеющихся, вероятно, у него данных, а ограничился лишь предположением, «доказывающим» правильность другого, вытекающего из него предположения.

На материалах, добытых экспедицией С. Н. Бибикова, построена статья С. А. Семёнова «Жатвенные кремневые ножи из поздне неолитического поселения Лука-Врублевская на Днестре» (стр. 151—155).

Небольшая статья П. П. Ефименко «Из материалов палеолитического поселения Костенки I. Землянка А» (стр. 113—127), являющаяся, повидимому, извлечением из отчета, показывает, как на отдельном частном вопросе может быть поднята важная тема. В статье показано, что методика исследований советских ученых, далеко ушедшая вперед по сравнению с теми формальными и крайне упрощенными приемами раскрытия памятников палеолита, которые используются буржуазными учеными, позволила открыть палеолитические жилища. Описано одно из таких жилищ, раскопанных в 1931—1936 гг. в Костенках на Дону, в окрестностях Воронежа. К сожалению, в целом итоги раскопок этого интереснейшего памятника, несмотря на 15 лет, прошедшие со времени их окончания, до сих пор не опубликованы. Поэтому даже небольшая публикация представляет несомненный интерес.

К числу работ, обобщающих многолетние археологические исследования, должны быть отнесены три статьи И. И. Ляпушкина, опубликованные в XI, XII и XIII томах. Статья «Из истории Левобережной Украины в эпоху железа» (стр. 385—395) основана на материалах полевых исследований 1938, 1940, 1945, 1946 гг. в бассейне р. Ворсклы. В ней рассматриваются три хронологические группы обследованных памятников: 1) скифского времени (селища с зольниками), 2) поселения культуры «полей погребений», 3) раннеславянские поселения (городища VIII—

X вв.). Автор приходит к выводу, что ни одна из рассматриваемых групп населения не стоит в непосредственной связи с другой. Этим выводом И. И. Ляпушкин разрушает построения других авторов, в частности П. Н. Третьякова и В. В. Мавродина, утверждавших непосредственную преемственность одной культуры от другой. К сожалению, И. И. Ляпушкин ограничивается критикой ошибочных, по его мнению, концепций и не пытается, исходя из больших, находящихся в его руках материалов, дать хотя бы гипотетическую картину славянского этногенеза на изучаемой территории. Он приходит к пессимистическому заключению, что еще не настало время для ответа на сложные вопросы о происхождении народов, так как необходимы еще большие полевые изыскания, и что исторический процесс в разных частях Среднего Поднепровья протекал настолько различно, что даже этот ограниченный район нельзя рассматривать как единое целое.

Развитию той же темы посвящена его же статья «Памятники культуры „полей погребений“ первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья по материалам полевых изысканий 1940, 1945—1948 гг.» (стр. 7—33). Автор описывает находки культуры «полей погребений», перечисляет памятники этой культуры и датирует их. Он приходит к выводу, что нельзя говорить о преемственности этих культур не только потому, что культура «полей погребений» исчезает на Левобережье в V в., а славянские памятники роменско-боршевского типа относятся к VIII—X вв., но главным образом потому, что каждая из этих культур настолько своеобразна, что ни в одной из них мы не можем указать элементов материальной культуры, которые в какой-то мере связывали бы их. Памятники «полей погребений» на территории Левобережья неоднородны. Одна из групп этого населения, связанная с памятниками типа Кантемировка, может быть определена как сарматская, вторая по обряду захоронения близка к правобережному населению, которое большинством исследователей считается славянским. Культура «полей погребений» на Левобережье исчезает в конце первой половины первого тысячелетия. В последующий период следы этой культуры можно подметить лишь на незначительной территории, в юго-восточном углу области, в памятниках салтово-маяцкой культуры. Не оспаривая в общем хорошо аргументированного вывода о связях культуры «полей погребений» с салтово-маяцкой, я должен указать на сомнительность одного из доказательств этих связей, приведенного И. И. Ляпушкиным, — сходство земледельческих орудий. Сходство орудий труда различных культур ни в какой мере не может служить доказательством этнических связей; так как их форма определяется не местными обычаями, не вкусами мастеров или заказчиков, а уровнем развития производительных сил и местными условиями эксплуатации этих орудий. Надежнейшими этническими признаками являются украшения, в том числе орнамент на керамике, в меньшей степени форма сосуда; техника изготовления керамики, так же как и форма орудий труда этническими признаками служить не могут.

Третья статья И. И. Ляпушкина «Поселения зольничной культуры („скифов-пахарей“) в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья» (т. XII, стр. 41—66) написана по материалам полевых исследований 1947 г. в бассейне р. Сейм. В статье охарактеризованы вновь открытые памятники так называемой «зольничной культуры» в северной полосе лесостепного Левобережья, относящиеся к IV—II вв. до н. э. Автор предполагает, что население, оставившее эти памятники, передвинулось на север из более южной полосы (верхнего течения Северного Донца и Ворсклы) под натиском кочевников-сарматов. Некоторые возражения по поводу применяемого И. И. Ляпушкиным термина «зольничная культура» и датировки памятников этой культуры в бассейне р. Сейма содержатся в статье В. А. Ильиной «По поводу так называемой „зольничной культуры“», напечатанной в XXXIV выпуске КС ИИМК.

Статья Н. В. А н ф и м о в а (стр. 241—261) посвящена вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. Анализ широкого круга памятников позволил автору прийти к выводу, что население Прикубанья в скифскую эпоху составляли в основном савроматы (сарматы) и меоты. В то же время нельзя полностью отрицать и наличия на Кубани скифских элементов. По среднему и нижнему течению Кубани, а частично,

повидимому, и в Закубанье, население состояло из оседлых земледельческих племен. В равнинной степной и лесостепной части Закубанья преобладало полукочевое, а отчасти и кочевое население. Н. В. Анфимов считает, что приведенные им материалы позволяют говорить об автохтонном развитии общества в Прикубанье в VII—IV вв. до н. э.

Интересные отчеты о произведенных раскопках публикуют в XI томе М. И. Артамонов, И. В. Спичина и С. И. Макалатия.

М. И. Артамонов в статье «Раскопки курганов на р. Маньче в 1937 г.» (стр. 305—337) публикует отчет о работах одного из отрядов руководимой автором Северо-кавказской экспедиции. Во главе отряда стоял погибший в осажденном Ленинграде Г. В. Подгасцкий, памяти которого посвящена статья. Основные погребения трех раскопанных курганов относятся к медно-бронзовому веку. Наиболее характерные из них принадлежат к так называемой катакомбной культуре. Самыми поздними являются погребения в насыпях курганов, относящиеся к железному веку.

В статье И. В. Спичина «Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья» (стр. 195—225) публикуется карта поселений в бассейне рек Большого и Малого Иргизов и отчет о раскопках двух из этих поселений: Максютковского и Успенского. Эти поселения наиболее ярко характеризуют хвалынскую культуру на поздней стадии ее развития во второй половине II и первых двух-трех веках I тысячелетия до н. э. В поселке размещалось от трех до шести жилых землянок, заселенных патриархальными семьями, состоявшими из 50—70 человек. Несмотря на то, что материалы заволжских поселений эпохи бронзы имеют свои локальные черты, автор считает, что целый ряд данных указывает на ближайшее родство их с памятниками андроновской культуры соседних районов Западного Казахстана.

С. И. Макалатия публикует отчет о раскопках Дванского могильника (в Центральной Карталинши, Карельский район Грузинской ССР) (стр. 225—241). Могильник принадлежит к переходной эпохе от поздней бронзы к раннему железу и датируется VII—VI вв. до н. э. Дванский могильник по характеру и ритуалу погребений, а также по инвентарю имеет сходство с могильниками Самтавро (Мцхет), Бештанени (Триалети) и Цицамури.

А. П. Окладников в статье «Древнейшие наскальные изображения Северной Азии» (стр. 155—171) публикует рисунки палеолитического человека, сделанные на скалах у дер. Шишкино в верховьях р. Лены. В результате подробного изучения шишкинских писаниц автор установил факт, весьма важный для древнейшей истории Сибири и соседних с ней стран. До недавнего времени существовало ни на чем не основанное мнение об отсутствии художественных способностей у той части палеолитического человечества, которая заселила колоссальные просторы Северной Азии. Этот взгляд, связанный с расовой «теорией», был опровергнут открытием образцов палеолитической скульптуры и графики в Мальте и в Бурети. Вновь его опровергают открытые на шишкинских скалах древнейшие рисунки, являющиеся ярким свидетельством развития реалистического искусства, проявившегося в совершенстве выполнения палеолитических росписей Северной Азии.

С. И. Руденко опубликовал «Предварительное сообщение о раскопках в Улагане 1947 г.» (т. XI, стр. 261—271). Это раскопки огромного научного значения, давшие исключительные по сохранности и высокой художественной ценности материалы для характеристики культуры Алтая V—IV вв. до н. э. (по датировке автора). Объектом сообщения является раскопанный в 1947 г. так называемый «II Пазырыкский курган». В связи с этой статьей возникает вопрос о целесообразности повторного печатания одних и тех же материалов. В том же 1949 г., за некоторое время до выхода XI тома СА, в XXVI выпуске КС ИИМК было опубликовано то же сообщение С. И. Руденко (несколько более подробное и с более широким научным анализом) с теми же иллюстрациями. Была ли необходимость повторного печатания в СА сообщения о раскопках II Пазырыкского кургана, в особенности, если учесть, что к моменту выхода XI тома появилась подробная книжка С. И. Руденко об этом кургане, изданная Гос. Эрмитажем. Бывают оправданные случаи повторного печатания научных материа-

лов: например, предварительное сообщение и полная публикация, включающая это сообщение об исследовании в научном журнале, затем повторение его в популярной форме для более широкого круга читателей, наконец, включение в большой научный труд ранее опубликованных его частей. Но почти одновременное печатание предварительного сообщения в двух научных изданиях одного и того же института не может быть оправдано научной ценностью материала. Не может быть оправдано это и желанием редакции СА дать полное представление об экспедиционной деятельности советских археологов, так как ряд важнейших экспедиций в сборниках вообще не отражен. Автор статьи мог для двух публикаций использовать разные темы и иллюстрации из огромного экспедиционного материала, а не дублировать одни и те же данные.

В статье П. И. Борисковского (стр. 103—113) содержится сообщение о впервые открытых древнепалеолитических местонахождениях среднего Подпестровья. Ценные материалы содержатся в статье С. Н. Бибикова «Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала» (т. XII, стр. 66—105). Эти материалы, собранные автором во время разведок, позволяют заполнить белое пятно на карте палеолитических местонахождений и связать две обширные палеолитические области европейской и азиатской частей СССР. В результате проведенных работ историю Башкирской АССР уже можно начинать не с эпохи бронзы, как это было недавно, а с палеолита. Все найденные пещерные стоянки являются временными стоянками охотников, а не местами оседлых поселений. Относятся они к верхнему палеолиту. Продолжением той же работы С. Н. Бибикова является статья «Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала» в XIII томе, содержащая описание открытий и ряд важных выводов о культурно-исторических связях энеолитических племен Приуралья с передовыми культурами эпохи бронзы и др. Очень интересно, хотя и спорно, мнение автора, что индивидуальные захоронения соответствуют охотничье-собираческому хозяйству, а коллективные — охотничье-рыболовческо-собираческому.

Н. Н. Гуркина в статье «Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова» (т. XII, стр. 105—128) публикует результаты работ экспедиции 1946 г., открывшей в этом районе несколько лабиринтов, стоянок и поселений. Автор датирует открытие археологические памятники первой половиной I тысячелетия до н. э. Очень интересно объяснение автором смысла и назначения лабиринтов. Неразрывная связь лабиринтов с берегом моря, с одной стороны, и их сходство с рыболовными сооружениями, — с другой, дают основание видеть в лабиринтах символ сетей и объяснять создание подобных памятников магическими представлениями людей, стремящихся обеспечить себе успех рыбного промысла.

М. П. Грязнов в статье «Миусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами» (стр. 128—157) относит эти памятники к андроновской эпохе и считает их памятниками культа предков-покровителей, культово-космическими образами девы-прародительницы, родовыми божествами.

А. А. Иессен в статье «К хронологии „больших кубанских курганов“» (стр. 157—203) путем стратиграфического, типологического и стилистического анализа устанавливает новую датировку этих памятников. Они относятся к ранним этапам освоения меди, а в абсолютных датах — к 2300—1700 гг. до н. э. Статья отличается точностью археологического анализа и представляет большой научный интерес. В заключительной части статьи автор правильно ставит вопрос о социальных отношениях, обнаруживаемых в культуре «больших кубанских курганов», однако ему очень мешает «марриетское» понятие стадильности. Он как бы просит извинения у читателя за то, что для правильного истолкования памятников ему приходится отказаться от предвзятой социологической схемы. Это очень характерно для положения, создавшегося в археологической науке накануне открытия языковедческой дискуссии и появления статей товарища Сталина по вопросам марксизма в языкознании. Большинство археологов, в том числе и многие из тех, кто считал себя верными последователями Н. Я. Марра, вынуждены были в силу научной объективности отходить от его порочных схем. Именно поэтому мы почти не найдем в рецензируемых томах СА «марри-

стских» ошибок. Тома составлены из статей по конкретным вопросам, а конкретный научный материал никак не мирится с марровским схематизмом. Так, и А. А. Пессен вынужден был отказаться от марриетского схематизма и хотя сделал это осторожно, с оглядкой на теорию стадильности, но все же поступил так, как должен был поступить объективный ученый.

К статье А. А. Пессена приложена хронологическая таблица, в которой такие периоды древнейшей истории, как неолит, бронзовый век и др., названы «техническими этапами». Никак нельзя согласиться с подобным сужением значения этих терминов. Безусловно, в основе их лежит принцип определения исторической эпохи по уровню развития техники, но теперь в эти термины вкладывается гораздо более широкое понятие. Они определяют большие исторические эпохи с определенным уровнем развития производительных сил, с определенными общественными отношениями, и сведение значения этого общепринятого термина лишь к понятию «технического этапа» искажает принятые археологами принципы периодизации первобытной истории.

В этом же XII томе помещены статьи Г. П. Сергеева «Позднеашельская стоянка в гроте у сел. Выхватинцы (Молдавия)» (стр. 203—213), М. В. Воеводского «Находки раннего палеолита в бассейне р. Десны» (стр. 217—231), Л. Я. Кривежской «Неолитические стоянки окрестностей сел. Алексеевского Вышневолоцкого района» (стр. 231—247), А. Л. Лукина «Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут» (стр. 247), Т. М. Девель «Обзорные коллекции собрания фотоархива ИИМК АН СССР» (стр. 289—336) и С. Н. Замятина «Памяти М. В. Воеводского» (стр. 213—217). Совсем не подходит по типу публикации для СА небольшая заметка Э. Р. Рыгдылопа «Неолитические находки на Нижне-Березовской стоянке» стр. 287—289).

В XIII томе, кроме ранее названных статей, напечатана статья М. К. Каргера «Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб» (стр. 33—63). В статье рассказана любопытная история научного открытия, сделанного автором в результате архивных поисков и раскопок. В результате тщательных и методически совершенных исследований были вновь открыты для науки два интереснейших памятника киевского зодчества второй половины XI века, которые казались загубленными из-за несовершенства раскопок и выемки камня.

Г. Ф. Корзухина в статьях «Из истории древнерусского оружия XI века» (т. XIII, стр. 63—95) и «Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания» (т. XIV, стр. 217—245) дает примеры образцового археологического исследования. Вдумчивый анализ небольших групп вещей позволяет установить важные исторические факты.

Очень интересный этюд представляет статья А. П. Окладникова «Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея» (стр. 139—173). Исключительная широта сопоставлений, благодаря блестящему знанию материалов археологии и этнографии, позволила ему сблизить находки далекого Севера со среднеазиатскими и древнерусскими памятниками и показать проникновение на Север и распространение среди северных народов вещей, созданных древнерусскими мастерами.

В разделе «Материалы» помещены статьи С. Н. Замятина «Первая русская инструкция для раскопок» (стр. 287—292), Н. Н. Гуриной «Результаты археологического обследования среднего течения реки Мсты» (стр. 292—311), К. В. Сальникова «Хвалынецко-андроновские курганы у с. Погромного» (стр. 311—320), М. М. Иващенко «Кувшинный могильник в Западной Грузии» (стр. 320—331), В. С. Синяева «Материалы к археологической карте нижнего Чульма» (стр. 331—341), В. П. Левашевой «О городищах Сибирского юрта» (стр. 341—350).

XIV том «Советской археологии», так же как и другие, составлен из доброкачественных и интересных статей, но он слабее других в целом, так как тематика мельче и круг вопросов уже, чем в других томах; поэтому яснее становится случайность в подборе материалов.

Том открывается небольшой, но использующей значительный этнографический

материал статьей А. П. Окладникова «Культе медведя у неолитических племен Восточной Сибири» (стр. 7—20).

Статья О. А. Артамоновой-Полтавцевой «Культура северо-восточного Кавказа в скифский период» (стр. 20—102) делится на две части. В первой помещен отчет о раскопках могильника Исти-су (у г. Гудермес) в 1937 и 1938 гг. Вторая часть посвящена анализу поясных пряжек северо-восточного Кавказа. Эта тема прекрасно разработана в статье и дает возможность автору на основании этой группы предметов датировать могильник Исти-су VI—V вв. до н. э. Нельзя не согласиться с заключительной фразой статьи: «В результате является уверенность, что так называемые „локальные культуры“ — в действительности культуры этнические, представляющие различные этнические образования, лишь условно покрываемые общим именем — „скифы“» (стр. 101).

А. Л. Якобсон в статье «Из истории армянского средневекового зодчества» (стр. 245—265) продолжает публикацию материалов, характеризующих художественную культуру Армении XII—XIII вв. В разделе «Материалы» помещены статьи Л. Н. Соловьева «Селище с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии» (стр. 265—287) и А. Я. Брюсова «„Сетчатая“ керамика» (стр. 287—305). Статьи Л. Н. Соловьева и А. Я. Брюсова содержат важные научные выводы, и не совсем понятно, почему они помещены в разделе «Материалов». Вообще неясен принцип, по которому статьи размещаются в отделах сборника. Многие из статей, опубликованных в разделе «Статьи», являются лишь археологическими отчетами и могли быть помещены в раздел «Материалы» и наоборот.

Подводя итоги обзора XI—XIV томов «Советской археологии», необходимо еще раз повторить, что они содержат важные историко-археологические материалы, но не отражают насущных вопросов советской археологической науки.

А. Л. Монгайт

Много места в рецензируемых томах отведено статьям, связанным с античностью. Все эти статьи можно разделить на три категории. К первой относятся публикации нового, добытого раскопками последних лет материала. Ко второй группе принадлежат статьи с толкованием старого, хранящегося в музеях и в значительной мере уже опубликованного материала, его систематизация и порой совершенно новая его оценка и определение. Наконец, к последней группе можно отнести статьи, авторы которых пытаются разрешить отдельные вопросы историко-археологического характера.

Среди статей первой группы необходимо отметить публикацию В. Ф. Гайдукевичем интереснейшего памятника, раскапываемого с 1947 г. В статье «Боспорский город Илурат» (т. XIII, стр. 173—204) публикуются планы крепости и городища Кермеш-Келечик (совр. Ивановки — древнего города Илурата), снятые Дюбрюксом в 30-х гг. XIX в., и дается новый перевод рукописи Дюбрюкса с подробным описанием этой крепости и городища. Автор исправляет неправильное толкование некоторых деталей у Дюбрюкса и добавляет свои наблюдения. Во второй части статьи В. Ф. Гайдукевич дает краткую характеристику городища на материале раскопок. Архитектура городища, наличие помещения с «жертвенником», где был найден отрубленный человеческий череп, своеобразие лепной керамики свидетельствуют о том, что Илурат является выдающимся памятником; его исследование позволит по-новому осветить поздний период существования Боспорского царства.

К сожалению, автор уделяет очень мало внимания характеристике материала и особенно керамики, найденной в помещениях. А ведь только подробный анализ материала сделал бы убедительным для читателя вывод о принадлежности данного поселения скифам. В Крыму местным населением были не только скифы; античные писатели говорят и о таврах; к тому же в эпоху, к которой относится данное поселение,

на Керченском полуострове отмечалось сильное влияние сарматских элементов. Наконченный ежегодными раскопками материал позволяет исследовать этот вопрос более детально.

С. П. Капошина в небольшой статье «Погребение скифского воина в Ольвии» (т. XIII, стр. 205—216) описывает одно из погребений, открытых в 1946 г. в Ольвии. Автор на основании способа опоясывания воина мечом, наличия в могиле стрел и «нанутственной пищи» относит данное погребение к рязряду «местных», негреческих. Определение этой могилы именно как «погребения скифского воина» недостаточно обосновано. Неудачна аналогия с таманским погребением, которое не отличается от обычных погребений античных городов. К тому же помещать скифов на Таманский полуостров нет никаких оснований; местным населением там были меоты. Надо также учитывать и наличие поблизости от Ольвии так называемых эллино-скифов, или каллинидов, одному из представителей которых также могло принадлежать это погребение.

Г. Д. Белов в статье «Некрополь Херсонеса классической эпохи» (т. XIII, стр. 272—284) характеризует 150 погребений, обнаруженных в Херсонесе с 1935 по 1946 г. Он датирует их концом V—IV вв. до н. э. Скорченные погребения (около 40% общего количества) автор относит к таврам, а вытянутые приписывает грекам. Подавляющее большинство открытых могил было без вещей, некоторые могилы дошли в очень плохой сохранности. Таким образом, в распоряжении автора имелось сравнительно небольшое количество датированных могил. Несмотря на это, выводы автора очень ответственны. Он говорит о существовании местного поселения на месте Херсонеса еще до прихода греков, об отсутствии греческой фактории на месте Херсонеса, о наличии в Херсонесе с момента его основания двух равноправных групп населения: греков и тавров и, наконец, заявляет, что Херсонес в V в. еще не был полисом. Совершенно непонятно, что же представлял собой Херсонес, по мнению автора, в первое столетие своего существования. Если автор признает, что греками был основан город, и отрицает, что это был обычный греческий полис, то надо дать определение этому новому явлению, чего автор не делает. Автор не упоминает о находке нескольких целых чернофигурных лекифов в погребениях Херсонеса; а ведь это безусловно свидетельствует о наличии греческих погребений в конце VI — начале V в. до н. э., как же они могли там появиться, если там не было эмпория? Очень странно также молчание автора по поводу статьи С. Ф. Стржелецкого «Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 г.», опубликованной в 1948 г. в «Херсонесском сборнике», вып. IV. Между тем датировки Стржелецкого и Белова расходятся; кроме того, Стржелецкий относит к таврским погребениям и вытянутые костяки. Статья Белова, опубликованная двумя годами позже, должна была бы внести ясность в этот вопрос.

Среди работ второй группы надо особо остановиться на статье А. П. Манцевича «Гребень и фиала из кургана Солоха» (т. XIII, стр. 217—238). Это очень обстоятельная и интересная статья, свидетельствующая о большой эрудиции автора и прекрасном знакомстве с материалом. Автор очень подробно описывает каждую из этих вещей, детально анализирует каждое изображение и подбирает к ним аналогии. А. П. Манцевич отмечает, что нет аналогий гребню и что стиль и композиция группы, изображенной на гребне, ближе всего фризу Парфенона. Отмечается также, что подобные изображения одежды и вооружения варваров в Северном Причерноморье встречаются главным образом на предметах торевтики. Описывая фиалу, автор характеризует каждую из трех групп животных, повторяющуюся на фиале по семь раз: лев, терзающий лань, лев и пантера, грызущие лошадь, два льва, терзающие лошадь.

Основная идея статьи — принадлежность торевтики Северного Причерноморья фракийцам, — уже была высказана автором в ее статье «К вопросу о торевтике в скифскую эпоху», опубликованной в ВДИ, № 2 за 1949 г. Этой предвзятой идее подчинен весь ход доказательств А. П. Манцевича. Основным ее аргументом является отсутствие львов в Северном Причерноморье и наличие их в Фессалии, Македонии и Фракии, о чем свидетельствуют Геродот и Ксенофонт. В этих же районах было распространено коневодство и имелось золото. Неходя из этого, автор очень односторонне подбирает аналогии, забывая, что золото, лошади и львы имелись, очевидно, не только во

материал статьей А. П. Окладникова «Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири» (стр. 7—20).

Статья О. А. Артамоновой-Полтавцевой «Культура северо-восточного Кавказа в скифский период» (стр. 20—102) делится на две части. В первой помещен отчет о раскопках могильника Исти-су (у г. Гудермес) в 1937 и 1938 гг. Вторая часть посвящена анализу поясных пряжек северо-восточного Кавказа. Эта тема прекрасно разработана в статье и дает возможность автору на основании этой группы предметов датировать могильник Исти-су VI—V вв. до н. э. Нельзя не согласиться с заключительной фразой статьи: «В результате является уверенность, что так называемые „локальные культуры“ — в действительности культуры этнические, представляющие различные этнические образования, лишь условно покрываемые общим именем — „скифы“» (стр. 101).

А. Л. Якобсон в статье «Из истории армянского средневекового зодчества» (стр. 245—265) продолжает публикацию материалов, характеризующих художественную культуру Армении XII—XIII вв. В разделе «Материалы» помещены статьи Л. Н. Соловьева «Селище с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии» (стр. 265—287) и А. Я. Брюсова «„Сетчатая“ керамика» (стр. 287—305). Статьи Л. Н. Соловьева и А. Я. Брюсова содержат важные научные выводы, и не совсем понятно, почему они помещены в разделе «Материалов». Вообще неясен принцип, по которому статьи размещаются в отделах сборника. Многие из статей, опубликованных в разделе «Статьи», являются лишь археологическими отчетами и могли быть перемещены в раздел «Материалы» и наоборот.

Подводя итоги обзора XI—XIV томов «Советской археологии», необходимо еще раз повторить, что они содержат важные историко-археологические материалы, но не отражают насущных вопросов советской археологической науки.

А. Л. Монгайт

Много места в рецензируемых томах отведено статьям, связанным с античностью. Все эти статьи можно разделить на три категории. К первой относятся публикации нового, добытого раскопками последних лет материала. Ко второй группе принадлежат статьи с толкованием старого, хранящегося в музеях и в значительной мере уже опубликованного материала, его систематизация и порой совершенно новая его оценка и определение. Наконец, к последней группе можно отнести статьи, авторы которых пытаются разрешить отдельные вопросы историко-археологического характера.

Среди статей первой группы необходимо отметить публикацию В. Ф. Гайдукевичем интереснейшего памятника, раскапываемого с 1947 г. В статье «Боспорский город Илурат» (т. XIII, стр. 173—204) публикуются планы крепости и городища Кермен-Келечик (совр. Ивановки — древнего города Илурата), снятые Дюбрюксом в 30-х гг. XIX в., и дается новый перевод рукописи Дюбрюкса с подробным описанием этой крепости и городища. Автор исправляет неправильное толкование некоторых деталей у Дюбрюкса и добавляет свои наблюдения. Во второй части статьи В. Ф. Гайдукевич дает краткую характеристику городища на материале раскопок. Архитектура городища, наличие помещения с «жертвенником», где был найден отрубленный человеческий череп, своеобразие лепной керамики свидетельствуют о том, что Илурат является выдающимся памятником; его исследование позволит по-новому осветить поздний период существования Боспорского царства.

К сожалению, автор уделяет очень мало внимания характеристике материала и особенно керамики, найденной в помещениях. А ведь только подробный анализ материала сделал бы убедительным для читателя вывод о принадлежности данного поселения скифам. В Крыму местным населением были не только скифы; античные писатели говорят и о таврах; к тому же в эпоху, к которой относится данное поселение,

на Керченском полуострове отмечалось сильное влияние сарматских элементов. Накопленный ежегодными раскопками материал позволяет исследовать этот вопрос более детально.

С. И. Капошина в небольшой статье «Погребение скифского воина в Ольвии» (т. XIII, стр. 205—216) описывает одно из погребений, открытых в 1946 г. в Ольвии. Автор на основании способа опоясывания воина мечом, наличия в могиле стрел и «напутственной пищи» относит данное погребение к рязряду «местных», негреческих. Определение этой могилы именно как «погребения скифского воина» недостаточно обосновано. Неудачна аналогия с таманским погребением, которое не отличается от обычных погребений античных городов. К тому же помещать скифов на Таманский полуостров нет никаких оснований; местным населением там были меоты. Надо также учитывать и наличие поблизости от Ольвии так называемых эллино-скифов, или каллипидов, одному из представителей которых также могло принадлежать это погребение.

Г. Д. Белов в статье «Некрополь Херсонеса классической эпохи» (т. XIII, стр. 272—284) характеризует 150 погребений, обнаруженных в Херсонесе с 1935 по 1946 г. Он датирует их концом V—IV вв. до н. э. Скорченные погребения (около 40% общего количества) автор относит к таврам, а вытянутые приписывает грекам. Подавляющее большинство открытых могил было без вещей, некоторые могилы дошли в очень плохой сохранности. Таким образом, в распоряжении автора имелось сравнительно небольшое количество датируемых могил. Несмотря на это, выводы автора очень ответственны. Он говорит о существовании местного поселения на месте Херсонеса еще до прихода греков, об отсутствии греческой фактории на месте Херсонеса, о наличии в Херсонесе с момента его основания двух равноправных групп населения: греков и тавров и, наконец, заявляет, что Херсонес в V в. еще не был полисом. Совершенно непонятно, что же представлял собой Херсонес, по мнению автора, в первое столетие своего существования. Если автор признает, что греками был основан город, и отрицает, что это был обычный греческий полис, то надо дать определение этому новому явлению, чего автор не делает. Автор не упоминает о находке нескольких целых чернофигурных лекифов в погребениях Херсонеса; а ведь это безусловно свидетельствует о наличии греческих погребений в конце VI — начале V в. до н. э., как же они могли там появиться, если там не было эмпория? Очень странно также молчание автора по поводу статьи С. Ф. Стржелецкого «Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 г.», опубликованной в 1948 г. в «Херсонесском сборнике», вып. IV. Между тем датировки Стржелецкого и Белова расходятся; кроме того, Стржелецкий относит к таврским погребениям и вытянутые костяки. Статья Белова, опубликованная двумя годами позже, должна была бы внести ясность в этот вопрос.

Среди работ второй группы надо особо остановиться на статье А. П. Манцевича «Гребень и фиала из кургана Солоха» (т. XIII, стр. 217—238). Это очень обстоятельная и интересная статья, свидетельствующая о большой эрудиции автора и прекрасном знакомстве с материалом. Автор очень подробно описывает каждую из этих вещей, детально анализирует каждое изображение и подбирает к ним аналогии. А. П. Манцевич отмечает, что нет аналогий гребню и что стиль и композиция группы, изображенной на гребне, ближе всего фризу Парфенона. Отмечается также, что подобные изображения одежды и вооружения варваров в Северном Причерноморье встречаются главным образом на предметах торевтики. Описывая фиалу, автор характеризует каждую из трех групп животных, повторяющуюся на фиале по семь раз: лев, терзающий лань, лев и пантера, грызущие лошадь, два льва, терзающие лошадь.

Основная идея статьи — принадлежность торевтики Северного Причерноморья фракийцам, — уже была высказана автором в ее статье «К вопросу о торевтике в скифскую эпоху», опубликованной в ВДИ, № 2 за 1949 г. Этой предвзятой идее подчинен весь ход доказательств А. П. Манцевича. Основным ее аргументом является отсутствие львов в Северном Причерноморье и наличие их в Фессалии, Македонии и Фракии, о чем свидетельствуют Геродот и Ксенофонт. В этих же районах было распространено коневодство и имелось золото. Исходя из этого, автор очень одномерно подбирает аналогии, забывая, что золото, лошади и львы имелись, очевидно, не только во

Фракии. Мотивы борьбы зверей были широко распространены. На боспорских монетах часто встречаются изображения львов; археологическими раскопками доказано существование местной боспорской торевтики. Однако эти вопросы сознательно игнорируются автором, который привлекает для доказательства своего тезиса только аналогии из Западного Причерноморья. Подчеркивая наличие в Греции целого ряда знаменитых золотых дел мастеров, автор в то же время считает возможным связывать изготовление золотых вещей, найденных в Скифии и на Боспоре, только с фракийцами, хотя фракийское золото могло вывозиться и служить сырьем для ремесленников самых различных народов.

А. П. И в а н о в а в статье «Боспорские антропоморфные надгробия» (т. XIII, стр. 239—254) дает сводку антропоморфных надгробий, хранящихся главным образом в Керченском музее. Одни из них относятся к эпохе эллинизма, другие — к сарматскому времени. Автор связывает эти памятники с традициями, восходящими к «коллективистскому мышлению», продуктом которого явился обобщенный, абстрактный образ умершего (стр. 246). А. П. Иванова считает, что памятники геометрического стиля являются прямым продолжением киммерийских и скифских традиций. Как сводка материала статья представляет собой значительный интерес. Правильны попытки автора найти местные корни этих оригинальных памятников. Но автор не учел, что антропоморфные надгробия могли быть расписными. Следовательно, нет оснований говорить об абстрактном мышлении. Возможно, что роспись была и очень детальной, тогда вся аргументация автора теряет свою силу. А. П. Ивановой следовало привести другие подобные надгробия, найденные не на Боспоре. Подобные находки известны в Херсонесе; повидимому, они имелись и в Средиземноморье. Но в таком случае должна быть усилена аргументация в пользу наличия местных традиций. Вести эту традицию непосредственно от киммерийцев рискованно; слишком велик хронологический разрыв; правильнее связывать ее с более поздними племенами Боспора; с киммерийскими памятниками существовало скорее типологическое, чем генетическое родство.

Из статей второй группы выделяется очень смелая и оригинальная, глубоко правильная по своему содержанию статья А. А. П е р е д о л ь с к о й (т. XIII, стр. 255—271). Узкая по своему замыслу работа ограничивается анализом трех статуэток из кургана Большой Близицы, которые до последнего времени считали «гротесками» и «кариатурами». Автор, детально разбирая сюжеты статуэток, приходит к выводу, что все они связаны с элевсинскими мистериями и со специальными женскими празднествами — фесмофориями. Большая роль земледелия в экономической жизни Боспора содействовала широкому распространению культа Деметры и других элевсинских божеств. Автор широко привлекает литературные и археологические источники, памятники искусства и очень убедительно аргументирует свои положения.

Т. Н. К н и п о в и ч в статье «К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма» (т. XI, стр. 271—284) дает блестящую характеристику одной из групп «чернолаковой» эллинистической керамики со светлым накладным орнаментом, образцы которой часто встречаются в городах Северного Причерноморья. Она выделяет два различных центра производства этой керамики: Малую Азию и Аттику. В результате делается вывод о наличии постоянных торговых связей Северного Причерноморья с Атикой во II в. до н. э. и опровергается господствовавшее до последнего времени представление, что в этот период Атика уже сходит со сцены как центр художественной промышленности и как центр, играющий заметную роль во внешней торговле.

К. В. Т р е в е р в статье об античном храме в Гари (т. XI, стр. 285—304) стремится показать местные корни архитектуры этого храма, его генетическую связь с урартским храмом и стилистическую близость к храмам малоазиатским. Она относит время его построения к началу II в. н. э. и отвергает правомерность его определения как «римского».

К третьей категории принадлежат статьи В. П. Шилова и Е. Г. Кастанаян. В статье «О расселении меотских племен» (т. XIV, стр. 102—123) В. П. Ш и л о в поставил перед собой очень интересную и важную задачу. Попытки решить этот вопрос предприини-

мались исследователями и ранее. Но недостаточность источников не позволяла разрешить его окончательно. Обычно меотские племена размещали, опосываясь на данных эпиграфики и неясных и зачастую противоречивых свидетельствах античных писателей. В. П. Шилов в начале своей статьи присоединяет к этим группам источников еще данные археологии, топонимики и этнографии. Но тут же он приходит к выводу, что археологические источники слишком незначительны и уже полностью использованы Анфимовым, топонимика Прикубанья почти не изучена и ее можно использовать только для очень приблизительного определения территории одного из племен — пессов (стр. 111), данные же этнографии, по существу, не могут быть использованы совсем (стр. 111). Автор ограничивается, таким образом, пересмотром локализации племен, уже размещенных учеными предшествующих поколений. Автор считает, что все племена, упомянутые у Страбона, должны помещаться на берегу моря, а упомянутые племена должны относиться к среднему течению Кубани. Так, например, несмотря на то, что Помпоний Мела говорит о фатях, как о жителях прибрежного района, автор поселил их на среднем течении р. Кубани, исходя из того, что они не упомянуты у Страбона. Интересная по замыслу и обстоятельно написанная статья по своим выводам остается столь же спорной, как и работы предшествующих исследователей.

Для решения этого вопроса необходимо более детальное изучение археологических источников, а без привлечения новых источников вопрос так и останется в области гипотез. Вызывает сомнение правомерность локализации дандариев по месту находки надписи, от которой сохранились лишь четыре буквы. Даже если правильно усматривать в этих буквах часть названия племени, то странно предполагать, что это племя на собственной территории возвело памятник от имени всего племени. Более вероятно, по аналогии с греческим миром, что памятник помещался вне территории племени, только в том случае и была необходимость упомянуть на нем название племени.

Последняя из статей, посвященных античной тематике, принадлежит Е. Г. Кастанаян. Это анализ обряда тризны в боспорских курганах (т. XIV, стр. 124—138). Автор собирает большое количество свидетельств о наличии тризны в «Гомеровскую эпоху» и в последующий архаический период в Греции и приходит к выводу о большой близости обряда тризны на Боспоре, в ранней Греции (стр. 132) и в эгейском мире (стр. 136). Но на Боспоре этот обряд получает распространение в эпоху эллинизма, когда в Греции он уже давно прекратил свое существование. Вот почему автор, который на семи страницах описывал обряд тризны в Греции и эгейском мире, на последней странице статьи обращает внимание на существование этого обряда у местного населения соседних с Боспором областей. Е. Г. Кастанаян отмечает наличие следов тризны в скифских курганах Приднепровья, Киевщины, Полтавщины, а также в курганах у станицы Елисаветовской на Дону, в Костромском и в кургане Карагодеуашх. Общий вывод, что обряд тризны «был присущ религиозным традициям местного населения Северного Причерноморья, в том числе и Боспора, а не был привнесен „извне“, как об этом говорит Ростовцев», не вяжется с общей композицией статьи. Такая формулировка вывода противоречит также словам автора на той же странице, что «первые греческие поселенцы перенесли на Боспор аналогичный обряд, который, однако, постепенно изживался в метрополии».

Эта богатая по материалу и интересная по изложению статья много выиграла бы, если бы автор обратил большее внимание на своеобразие Боспорского царства. Кроме того, обряд тризны следовало связать с погребальным комплексом. Остается непонятным также, считает ли автор курганные погребения Боспора принадлежащими грекам или местному населению.

В целом, все помещенные в обозреваемых выпусках статьи по античной археологии дают интересный материал, хотя в некоторых случаях трактовка его и представляется спорной.

И. Т. Кругликова